

— Эй, не толкайся!

— Я первый пришел!

У ворот уездной управы бушевало людское море. Обычно благовоспитанные книжники теперь нещадно пихали друг друга локтями, боясь оказаться в хвосте и не увидеть заветные списки.

В павильоне близлежащего ресторана за столом у окна сидели Чжан Вэньхай, Чу Цы и маленький Чу Юань. С высоты второго этажа им открывался прекрасный вид на происходящее внизу безумие.

— Посмотрите на них, — Вэньхай насмешливо фыркнул, качая головой. — К чему эта спешка? Списки всё равно скоро вывешят. Посмотришь ты сейчас или чуть позже — результат-то не изменится.

— Я бы, пожалуй, поверил в твое хладнокровие, — холодно отозвался Чу Цы, — если бы твоя нога не дергалась в лихорадочной дрожи.

Тот замер. Именно он ни свет ни заря притащил их в этот ресторан, и вот уже три часа они сидели здесь, ожидая развязки.

Чу Юань тоже извелся. Несмотря на обилие сладостей на столе, мальчику хотелось на волю; в это время он обычно всюду носился по улицам.

— Вывешивают! Списки вывешивают! — раздался многоголосый крик.

Тяжелые ворота управы медленно отворились. Две шеренги стражников вышли наружу, тесня толпу, чтобы освободить проход. Следом за ними важно проследовал секретарь Вэньшу. Он подошел к восточной стене и развернул длинный свиток красной бумаги, на который возлагали надежды тысячи людей. Как только заветный лист был приклеен, секретарь под защитой стражи поспешил обратно за ворота.

— Быстрее... Брат Чу, посмотри же... есть там я?! — Чжан Вэньхай вскочил, едва не опрокинув стул, и прильнул к окну. Мышцы его дрожали от невыносимого напряжения.

— Брат Чжан, успокойся. Сяо Чэн-цзы уже там, в самой гуще, он всё увидит. А ты отойди от окна — если выпадешь, как пойдешь на следующий окружной экзамен? — Чу Цы схватил друга за плечо, опасаясь, что тот в порыве чувств и впрямь вывалится наружу, став посмешищем для всего города.

— Да-да, ты прав. Надо дышать... дышать ровно, — Вэньхай принялся мерить шагами комнату. Теперь он горько жалел, что ради напускного изящества решил ждать здесь. Куда лучше было бы толкаться у стены вместе со всеми, чем мучиться от этой неизвестности.

Снизу то и дело доносились восторженные вопли: «Сдал! Я сдал!», но куда чаще слышались тяжкие вздохи и даже горькие рыдания.

Сяо Чэн-цзы, растеряв в давке туфли и растрепав волосы, пробился к самой стене. Не мигая, он скользил взглядом по именам, ища своего молодого господина.

Список был оформлен в виде круга. В самом центре красовался крупный иероглиф «Прошел», окруженный двумя кольцами имен. Во внутреннем круге значились двадцать человек, во внешнем — тридцать. Имя первого в списке было выведено густой, жирной тушью, остальные же располагались по часовой стрелке и были выписаны более бледной тушью.

— Сдал! Сдал! Мой господин прошел! — завопил Сяо Чэн-цзы. Он вырвался из толпы и, не помня себя от радости, помчался к ресторану.

Услышав этот крик, Чжан Вэньхай с такой силой ударил кулаком по столу, что посуда подпрыгнула. Он хохотал до слез, захлебываясь собственным восторгом.

— Младший дядя... — Чу Юань испуганно прижался к Чу Цы, вцепившись в его рукав.

— Не бойся, — молодой человек погладил племянника по голове, хотя на душе у него было скверно. — Дядя Чжан просто очень счастлив.

Чжан Вэньхай едва исполнился двадцать один год, и это была далеко не первая его попытка. То, что он прошел сейчас, считалось большой удачей. Но каково было остальным? Тем, кто годами, десятилетиями питал призрачные надежды, тратя жизнь на бесконечные свитки? Для бедняка путь кэцзюй часто превращался в дорогу в один конец — во тьму без права на ошибку.

— Молодой господин, вы седьмой! Седьмой в списке! — Сяо Чэн-цзы ворвался в павильон, задыхаясь. — Черным по белому: «Чжан Вэньхай из городка Пинъань»!

Вэньхай мгновенно преобразился. Он чинно уселся на место и, напустив на себя строгий вид, слегка нахмурился:

— Это всего лишь уездный экзамен, к чему такой шум? Посмотри на себя — на кого ты похож? На, возьми этот лян серебра, купи себе приличную одежду и обувь.

Слуга в замешательстве переводил взгляд с хозяина на Чу Цы. Ему казалось, что перед ним сидят два одинаковых человека. Где же победные прыжки и кружения по комнате? Почему молодой господин ведет себя точь-в-точь как сюцай Чу?

— Что застыл? Передумал брать награду? — прикрикнул Вэньхай, досадуя, что его попытка выглядеть солидно наткнулась на такое недоумение.

— Беру, беру! — Сяо Чэн-цзы поспешно схватил деньги. Пять месячных окладов за раз — только дурак откажется. — Я мигом домой, сообщу господину и хозяйке! Вот они обрадуются!

Как только за слугой закрылась дверь, Чжан Вэньхай снова сорвался на смех.

— Брат Чу, я седьмой! Седьмой! Ха-ха-ха, я всё-таки сделал это!

Но внезапно он осекся.

— Послушай... интересно, а за Цзиньяном кто-нибудь присматривал? Сяо Чэн-цзы в такой давке вряд ли искал другие имена. Если Цзиньян провалился... как он это перенесет?

— Пойдем вниз, — предложил Чу Цы. — Народу уже поменьше.

— Да, идем скорее! — Вэньхай пулей вылетел из комнаты и бросился к стене со списками.

— Младший дядя, он же не заплатил! — возмутился Чу Юань. Дядя Чжан всё утро твердил, что угощает и велит заказывать побольше, а стоило прийти времени расчета — и след его простыл.

У отца мальчика когда-то был такой дружок: подговорил купить вина вместе, а как кувшин наполнили — только пятки засверкали. Отец потом еще долго ходил мрачнее тучи.

— Ничего страшного, — успокоил его Чу Цы. — Заплатим в этот раз мы, а в следующий Брат Чжан наверняка не забудет.

— Ну ладно, — кивнул племянник, но поразмыслив, добавил: — Вообще-то, это неважно. Дядя Чжан хороший, он с нас денег за жилье не берет. И дедушка с бабушкой Чжан всегда угощают меня вкусненьким.

— Ты молодец, Юань-эр. В будущем всегда так суди о друзьях, которые к тебе искренни.

— А если не искренни? — не унимался ребенок.

— Тогда копай им могилу, — бросил Чу Цы, расплатился с хозяином и повел племянника к толпе.

Не успели они подойти, как навстречу им выскочил сияющий Чжан Вэньхай.

— Цзиньян! Цзиньян тоже прошел! Он занял почетное место Сунь Шаня!

Чу Цы едва сдержал улыбку. Вэньхай, желая приукрасить то, что их друг оказался в самом конце списка, умудрился вывернуть идиому наизнанку.

«За Сунь Шанем список весь кончается, а ваш сын и за ним не обретается».

Из-за этих строк, написанных древним поэтом, люди стали использовать имя Сунь Шаня для обозначения провала на экзаменах. Но Вэньхай, ничуть не смутившись, объявил, что Фан Цзиньян «оказался последним в списке» — то есть буквально «вписал имя в Сунь Шаня».

— Пойдем, обрадуем его скорее, — предложил Вэньхай.

Они направились к переулку Коричного дерева. Семья Фанов после вчерашнего скандала предпочла сменить обстановку и перебралась в другой дом неподалеку.

— Кочжи, Брат Чу! Вы пришли навестить меня? А это, верно, твой племянник?

Фан Цзиньян сидел в уютном кресле во дворе и читал. Выглядел он куда лучше, чем накануне. Горькая правда принесла ему не только боль, но и надежду, разогнав густой туман меланхолии.

— Цзиньян, ты и представить не можешь, какую весть я принес! — Вэньхай так и лучился таинственностью.

Фан Цзиньян улыбнулся:

— Ты сдал? Вчерашние темы были тебе по зубам. Поздравляю от всего сердца, Брат Чжан. — В его голосе звучала лишь искренняя радость за друга, без тени зависти.

— Да нет же! Ты! Ты тоже прошел! Прямо на месте Сунь Шаня! — Вэньхай расхохотался, ожидая изумления.

Но Цзиньян лишь печально покачал головой:

— Не подшучивай надо мной. Я пропустил задачу, как мне было пройти? Я слышал об участии Сунь Шаня, но не о его «местах».

— Да видит небо, я не вру! В списках ты стоишь бок о бок с самым первым местом! Написано: «Фан Цзиньян из городка Юньань». Неужто в нашем городке есть другой человек с таким же именем?

Глаза Цзиньяна расширились. Он взглянул на Чу Цы, и когда тот с улыбкой кивнул, наконец

поверил.

— Ха... Ха-ха... Я сдал! Я всё-таки сдал! — его смех был даже громче, чем у Вэньхая. Ши-тоу испуганно выскочил из дома, не понимая, что стряслось с его господином.

Дав волю чувствам, Фан Цзиньян ушел привести себя в порядок и вскоре вернулся, вновь обретая привычное спокойствие.

— Спасибо вам, друзья, что принесли такую весть. Сегодня я угощаю — выпьем за наш успех!

— Не стоит спешить, — мягко возразил Чу Цы. — Послезавтра уже экзамен в области, нужно готовиться. К тому же, ты едва оправился от жара, хмельное тебе сейчас не на пользу.

Эти слова, хоть и охлаждали пыл, заставили обоих друзей посмотреть на молодого сюэя с глубокой благодарностью. Только истинный друг будет так печься об их будущем в миг триумфа.

Семья Фанов, еще вчера пребывавшая в унынии, воспряла духом. Они и помыслить не могли, что излишняя доброта к прислуге обернется такой бедой для их ребенка.

Сяо Цуй после своего признания окончательно лишилась рассудка, и её отправили в Башню для умалишенных. Мать последовала за ней, чтобы приглядывать за дочерью.

Кто-то мог счесть Фанов жестокими, но разрушить чужое будущее — всё равно что лишить жизни. Если сегодня они решились на такое из-за слепой страсти, то завтра могли бы и яду подсыпать. Иметь под боком такую змею было невыносимо. Семья Фанов лишь исполнила долг десятилетней привязанности, передав смотрителю башни двадцать лянов серебра, чтобы те не умерли с голоду.

Теперь же, с известием об успехе Цзиньяна, в дом вернулись улыбки.

Четырнадцатое февраля

Чу Цы, нагруженный узлами и свертками, привел Чу Юаня в Заведение для начинающих учеников. У ворот толпились дети семи-восьми лет, изредка попадались ребята постарше.

Учитель Шэнь и другие наставники сидели за столами. Каждому новому ученику выдавали деревянный жетон и ключ. На жетоне был выбит номер комнаты в общежитии, которую предстояло найти.

Условия здесь были скромными: по шесть человек в комнате. Чу Цы заметил какого-то пухлого мальчугана, который с ревом вцепился в полы отцовского халата, вопя, что ни за что здесь не останется.

Глядя на эту сцену, он невольно улыбнулся. В своей прошлой жизни он часто проходил мимо детского сада по пути в школу, и там каждое утро стоял такой крик, словно на бойне. Причины не идти внутрь находились самые невероятные.

— Младший дядя, наша очередь, — Юань-эр потянул его за руку. Мальчик приревновал: дядя так долго и тепло улыбался какому-то толстому задире. Неужели он считает, что Юань слишком худой?

— Учитель Шэнь, мы привели Чу Юаня на обучение.

— А, Брат Чу. Глава академии меня предупредил. Веди племянника в жилой корпус для тех, кто готовится к экзаменам. Плата за обучение в Заведении для начинающих учеников вносится раз в три месяца — всего шесть лянов.

Выходило по два ляна в месяц. Чу Цы мысленно охнул — недешево берет уездное училище за начальное образование. В деревенской частной школе просили всего двести вэней, да и те можно было отдать зерном или дровами. Впрочем, глядя на здешний порядок, он понимал: эти деньги окупятся качеством знаний.

Расплатившись, он получил для Юань-эра набор учебников и направился к жилым постройкам.

Шэнь Сюнян, узнав, что племянник идет в школу, сшила ему крепкую холщовую сумку. Теперь Чу Юань гордо нес её на плече, то и дело поглаживая корешки книг — лицо его сияло от важности.

В классе для подготовки к госэкзаменам порядки были иными. Здесь, помимо наставников, были преподаватели. Они следили за чтением и проверяли заученное наизусть, в то время как маститые учителя толковали суть канонов. Если проводить параллели с современностью, учителя были профессорами, а преподаватели сочетали в себе роли ассистентов и классных руководителей.

Обучение в этом классе стоило пять лянов в месяц, плата также вносилась за квартал вперед. Раньше Чу Цы учился здесь бесплатно благодаря хлопотам Учителя Циня: половину суммы вносил сам старик, вторую — прощала академия. Проживание стоило еще пять мао в месяц на человека, включая стирку и прочие нужды.

Теперь Чу Цы не стеснялся в средствах. Он внес пятнадцать лянов за учебу и еще три ляна за проживание себя и племянника, после чего получил жетон и два ключа.

Им досталась комната в «Обитатели бамбукового аромата». В таких покоях жили по четверо. Когда Чу Цы с Чу Юанем переступили порог, внутри уже кто-то был.

Управляющий Сюй обернулся и так и просиял:

— Ой, Сюцай Чу! Какое удивительное совпадение! Вы с племянником тоже будете жить здесь? Юный господин, скорее поздоровайся с Дядей Чу и своим будущим соучеником. Вам теперь вместе науки постигать, так что во всем слушайся Дядю Чу!

— Здравствуйте, Дядя Чу. Здравствуй, Сяо Юань, — робко пролепетал Чжунли Юй. Мальчик уже дважды успел поплакать дома, страшась остаться без присмотра, и теперь глаза его были красными, как у кролика.

Чу Цы посмотрел на этого маленького господина с красными глазами и невольно прижал ладонь ко лбу. Затем он перевел взгляд на сияющего, словно медный таз, старого лиса Сюя.

«Позвольте спросить, уважаемый, как у вас только язык повернулся назвать это "совпадением"?»

<http://bllate.org/book/15354/1427275>